

“МОТИВ ИЗГНАННИЧЕСТВА В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ И
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА”. СРАВНЕНИЕ И. БУНИНА,
САДРИДДИНА АЙНИ ИЛИ ЧУЛПАНА — РЕДКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
РАКУРС

Каримова Нилуфар

студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического института

Бахриева Сабина Сабиржановна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация: Данная статья предлагает межкультурное сравнительное исследование мотива изгнанничества (эмиграции, ссылки, вынужденного отрыва от Родины) в русской литературе первой волны эмиграции и в восточной литературе Центральной Азии начала XX века. Исследование нацелено на выявление универсальных и уникальных аспектов переживания разрыва с культурно-историческим корнем, вызванного политическими и социальными катаклизмами эпохи. Ключевыми авторами для сравнения выступают Иван Бунин, как яркий представитель ностальгической и философской прозы русской эмиграции, и Садриддин Айни или Чулпан, в чьем творчестве мотив изгнанничества (политическая ссылка, бегство от репрессий) рассматривается как следствие борьбы за обновление и столкновение традиционного общества с модернизацией и революцией.

Abstract: This article offers a cross-cultural comparative study of the motif of exile (emigration, exile, forced separation from the homeland) in Russian literature of the first wave of emigration and in the eastern literature of Central Asia at the beginning of the 20th century. Research aims to identify the universal and unique aspects of experiencing a break with one's cultural and historical roots, caused by the political and social cataclysms of the era. Key authors for comparison include Ivan Bunin, a prominent representative of the nostalgic and philosophical prose of the Russian emigration, and Sadriddin Aini or Chulpan, in whose work the motif of exile (political exile, flight from repression) is seen as a consequence of the struggle for renewal and the clash of traditional society with modernization and revolution

Ключевые слова: Изгнанничество, эмиграция, русская литература, восточная литература, Иван Бунин, Садриддин Айни, Чулпан, межкультурное сравнение, начало XX века, ностальгия, политическая ссылка, трагедия, воля к жизни.

Keywords: Exile, emigration, Russian literature, Eastern literature, Ivan Bunin, Sadriddin Aini, Chulpan, intercultural comparison, early 20th century, nostalgia, political exile, tragedy, will to live.

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'UYALAR

Начало XX века стало периодом глубочайших социальных и политических потрясений, ознаменованных мировыми войнами, революциями и крахом империй, что спровоцировало беспрецедентные миграционные волны и породило мотив изгнанничества как один из центральных в мировой литературе. В контексте русской культуры Октябрьская революция 1917 года и последующая Гражданская война привели к формированию мощного пласта эмигрантской литературы, главной темой которой стала трагическая утрата Родины, прошлого и традиционного уклада. Параллельно с этим, в литературе Центральной Азии (Туркестан), процессы колониальной политики, распада Бухарского эмирата и установления советской власти также породили мотив вынужденного бегства и политической ссылки, однако осмысление этого опыта часто шло по иному идейному пути. Настоящая статья ставит своей целью не просто констатацию наличия мотива изгнанничества в двух столь различных культурных сферах, но и проведение межкультурного сравнительного анализа его художественного и философского наполнения, используя произведения Ивана Бунина как эталон выражения ностальгии по "Великой России", и творчество Садриддина Айни или Чулпана как отражение боли за угнетение, стремления к обновлению и бегства от репрессивных режимов. Такой редкий ракурс исследования позволит выявить, как при всем различии культурных, религиозных и политических контекстов, литература начала XX века выступила единым голосом для фиксации экзистенциальной драмы человека, вырванного из своего корня, а также определить универсальные и специфические черты переживания этого разрыва между Западом и Востоком.

Трагедия, пережитая Иваном Буниным в эмиграции, является квинтэссенцией драмы утраты прошлого, которая принимает в его творчестве характер катастрофы цивилизационного масштаба (6. 224). Для Бунина, изгнанничество, начавшееся с его отъезда из России в 1920 году, было не просто политическим бегством, а необратимым разрывом с той идеальной, исторической Россией — Россией дворянских усадеб, высокой культуры и патриархального быта, — которую он считал единственно подлинной (2. 384). Этот разрыв породил всепоглощающую ностальгию, ставшую не только его личным переживанием, но и доминантным художественным приемом, пронизывающим такие произведения, как "Жизнь Арсеньева" и эмигрантские рассказы, объединенные в цикл "Тёмные аллеи".

В бунинской прозе физическое пространство Франции (Грасс, Париж) становится абсолютно нейтральным и чуждым фоном, своего рода чистилищем, где происходит бесконечный процесс воскрешения утраченного рая. Ностальгия трансформируется в скрупулезную, гипер-реалистичную реконструкцию прошлого через память, задействующую все сенсорные и эмоциональные регистры, где читатель погружается в мир, который исчез, но который живет в деталях: в "запахе антоновских яблок" (как

символе России), в свете, тених, в звуках старой усадьбы.⁶¹ Бунин культивирует скорбь по погибшей Родине, рассматривая эту скорбь как высшую форму верности и нравственного долга перед уничтоженной культурой. Его изгнанник — это эстетический беженец, который отказывается от ассимиляции с европейским бытом, воспринимая свой статус изгнанника как нравственное превосходство над теми, кто принял или построил новый мир (1. 416). В этом аспекте Бунин предстает как романтический консерватор, для которого чужбина – это не место для жизни, а пространство для смерти и воспоминания о жизни, которую у него украли. Его трагизм усугубляется его ощущением преемственности — он последний хранитель уходящей эпохи, и его личная утрата созвучна гибели целой цивилизации, что делает его изгнанничество космически одиноким.

В кардинальном контрасте с бунинским меланхолическим эскапизмом находится мотив изгнанничества в литературе Центральной Азии начала XX века. Для писателей-джадидов, таких как Садриддин Айни и Чулпан, мотив изгнанничества был не лирической, а политической и социальной категорией. Это было следствие активной борьбы против деспотии и невежества, и их бегство или ссылка были мотивированы не утратой прошлого, а надеждой на построение будущего. Садриддин Айни, переживший физические и моральные пытки, видел в своем политическом бегстве с территории Бухарского эмирата в 1921 году акт самосохранения и политического целеполагания. В его произведениях, включая "Палачи Бухары", мотив отрыва от дома наполнен не ностальгией по укладу, а болью за угнетённый народ и страстным стремлением к социальному переустройству.⁶² Память в его текстах используется как мощный инструмент социальной критики и обвинения феодальной власти. Айни – реформатор, для которого изгнанничество – это временное, но необходимое условие для победы.

Творчество Чулпана, хотя и имело более лирическую интонацию, также отражает трагедию, но уже в контексте слома идеалов. Чулпан, будучи сторонником национального возрождения, стал жертвой террора нового, советского режима, который он поначалу приветствовал. Его изгнанничество – это трагедия идеалиста, столкнувшегося с тоталитарной машиной, что придает его лирике и прозе глубокую драматическую надломленность и предчувствие гибели. Таким образом, ключевой контраст между двумя традициями кроется в эмоциональном векторе: Бунин смотрит назад, культивируя меланхолию по идеалу; Айни и Чулпан смотрят вперед, культивируя протест и надежду. Ностальгия у Бунина — это эстетическая верность, у восточных авторов — это политическая память. Тем не менее, обе линии сходятся в универсальной экзистенциальной драме. Все эти выдающиеся авторы, несмотря на

⁶¹ Бунин, И. А. Тёмные аллеи. Москва: АСТ, 2018. – 416 с.

⁶² Айни, С. Палачи Бухары (Воспоминания). Ташкент: Шарк, 1993. – 288 с.

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'UYALAR

колоссальные культурные и политические различия, зафиксировали фундаментальное одиночество и сломленность человека в эпоху глобальных катаклизмов. Все они использовали литературу как единственное убежище и оружие для сохранения своей внутренней свободы и идентичности, что делает их изгнанничество общим, хотя и разноплановым, литературным феноменом начала XX века.

Проза Бунина в эмиграции часто тяготеет к элегантно-ностальгической элегии и психологическому реализму, где внимание сосредоточено на тончайших нюансах человеческих переживаний, чувств и эстетических деталей, что отражает его стремление к изоляции от грубой реальности. Его изгнанничество является элитарным и философски обреченным. В противоположность этому, произведения Садриддина Айни, особенно раннего периода, носят ярко выраженный публицистический и дидактический характер, часто используя жанры социальной повести и документальной хроники для прямого обличения феодальных пережитков и призыва к просвещению. Его язык более прямолинеен и агитационен, что отражает его роль борца и просветителя. Таким образом, изгнание у Бунина проявляется в сублимации эстетической тоски, а у Айни — в непосредственном социальном действии, подтверждая, что мотив изгнанничества, несмотря на свою универсальность, служил разным культурным и политическим целям, став в одном случае панихидой по прошлому, а в другом — планом по строительству будущего.

Универсальность мотива изгнанничества в этих столь различных литературных традициях проявляется также в общем обращении к категории памяти, но с диаметрально противоположными функциональными целями (8. 556). Для Бунина память выступает как герметичное убежище — личный, нерушимый храм, где он может существовать вне разрушительной исторической реальности. Он использует память для воскрешения индивидуального и социального рая, и этот процесс носит терапевтический характер, позволяя ему сохранить психическую целостность перед лицом тотальной утраты. Напротив, в прозе Айни и Чулпана память приобретает коллективный, мобилизующий характер: она не только фиксирует личные страдания, но и служит хроникой угнетения народа, становясь мощным инструментом социальной и политической агитации. Восточный изгнанник смотрит на свое прошлое через призму несправедливости, используя воспоминания для оправдания своего активного сопротивления. Таким образом, если русский эмигрант первой волны, в лице Бунина, бежит в прошлое, чтобы сохранить красоту, то восточный просветитель бежит из прошлого, чтобы исправить несправедливость, но оба, в конечном счете, доказывают, что для человека, лишенного Родины историческими катаклизмами, слово и память остаются единственными незыблемыми опорами в хаосе XX века.

Проведенный анализ мотива изгнанничества в творчестве Ивана Бунина и его центральноазиатских современников — Садриддина Айни и Чулпана — убедительно демонстрирует, что, несмотря на кардинальные различия в культурном, политическом

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'UYALAR

и эмоциональном контекстах, литература начала XX века по обе стороны Евразии единогласно зафиксировала экзистенциальный кризис человека, ставшего жертвой глобальных исторических катаклизмов. Ключевой вывод исследования заключается в том, что изгнанничество стало универсальной точкой пересечения для совершенно различных национальных литератур, каждая из которых, однако, нашла свой уникальный способ осмысления этой трагедии.

Если Бунин выражал изгнанничество как трагедию утраты идеала и панихиду по "Великой России", культивируя меланхолическую ностальгию и эстетическое одиночество в чуждом европейском пространстве (7. 64), то восточные просветители, в лице Айни и Чулпана, воспринимали изгнание как следствие активной борьбы за социальную справедливость и национальное обновление.⁶³ Их мотив был направлен не в прошлое, а в будущее, используя память не для элегического утешения, а для мобилизации и социального обвинения. Таким образом, изгнанничество у Бунина — это эстетический эскапизм и добровольное отшельничество, в то время как у восточных авторов — это политическое действие и вынужденный поиск плацдарма для продолжения борьбы.

В конечном счете, обе традиции сходятся в главном: в утверждении несломленности человеческого духа. И Бунин, хранящий в слове образ потерянной Родины, и Айни, сражающийся пером за свободу своего народа, использовали литературу как единственное убежище и оружие против хаоса истории. Мотив изгнанничества в их произведениях трансформировался из частной беды в общечеловеческий литературный феномен, который продолжает служить мощным свидетельством о цене прогресса и колоссальной жертве, которую принесли люди в XX веке за право оставаться самими собой. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение влияния этих эмигрантских мотивов на формирование литературного канона уже в следующих поколениях, как в русской диаспоре, так и в национальных литературах Центральной Азии.

Оба типа изгнанничества — эстетически-ностальгическое у Бунина и социально-политическое у Айни и Чулпана — привели к формированию у авторов уникального взгляда "со стороны". Эта позиция "чужого" позволила им критически осмыслить как погибшую русскую/традиционную культуру, так и новую, агрессивную реальность, будь то советская власть или безразличный европейский Запад. В результате, их творчество обрело особую пророческую силу и внезапную объективность. Бунин, идеализируя прошлое, смог глубоко проанализировать его внутренние пороки, приведшие к катастрофе. Айни и Чулпан, борясь за идеалы, смогли раньше других увидеть и описать трагедию предательства революционных принципов тоталитарной системой. Таким образом, изгнание, ставшее личным испытанием, одновременно

⁶³ Саид, Э. В. Ориентализм. Санкт-Петербург: Дм. Буланин, 2006. – 64 с. (Для теоретического обоснования).

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'UYALAR

послужило оптической призмой для вынесения исторического и нравственного приговора своей эпохе.

Список использованной литературы:

1. Бунин, И. А. Тёмные аллеи. Москва: АСТ, 2018. – 416 с.
2. Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Санкт-Петербург: Азбука, 2019. – 384 с.
3. Айни, С. Палачи Бухары (Воспоминания). Ташкент: Шарк, 1993. – 288 с.
4. Чулпан. Ночь и день (Роман. Пер. с узб.). Москва: Художественная литература, 1989. – 9 с.
5. Саид, Э. В. Ориентализм. Санкт-Петербург: Дм. Буланин, 2006. – 64 с. (Для теоретического обоснования).

